

Православное обозрение

1864. Том 14

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1864. Том 14 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 672 с.

ISBN 978-5-458-03044-1

ISBN 978-5-458-03044-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВ. КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ—СЛАВЯНЕ, А НЕ ГРЕКИ.

(Отрывокъ изъ разсужденія).

Кто были родомъ св. Кириллъ и Меодій — славяне или греки?

Этотъ вопросъ долгое время былъ пропускаемъ и обходимъ, или упоминаемъ вскользь изслѣдователями. (*) Они обращали преимущественно вниманіе на другіе важнѣйшіе въ ихъ глазахъ предметы: изобрѣтеніе грамоты и языкъ перевода.

Большая часть изслѣдователей склонялась, впрочемъ, къ мнѣнію, что Кириллъ и Меодій были греки, основываясь преимущественно на томъ, что они родились въ греческомъ городѣ, знали отлично греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ связи съ греческимъ дворомъ.

Недавно только г. Гильфердингъ приблизился къ другому мнѣнію, хоть и съ большою оговоркою, сказавъ: мы вправдѣ признавать возможнымъ и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что (Кир. и Мее.), какъ многіе другіе знатные византийцы,

(*) См. Шлецера Несторъ, II, с. 472, Добровскаго Кириллъ и Меодій, въ моемъ перев. с. 47; Карамзина, Исторія Г. Р. т. I, с. 111; Шафарика Слав. Древности, въ переводѣ пр. Бодянскаго, т. II, ч. I, с. 313, 329; Кнѣзятара Kleinere Schriften, с. 62 Калайдовича Іоаннъ, экзархъ болгарскій, с. 3.

были славянскаго происхожденія... Но съ другой стороны мы должны признать достовѣрнымъ и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ народу славянскому, что они были и считали себя греками. (*)

Въ наше время, въ эпоху сознанія народностей, вопросъ этотъ привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, и намъ очень желалось бы во храмѣ славянской исторіи поставить образы такихъ двухъ великихъ дѣятелей, какъ св. Кириллъ и Меѳодій.

Прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ, въ первыхъ источникахъ, нѣтъ—какъ въ пользу греческаго, такъ и въ пользу славянскаго происхожденія: мы должны отыскивать оное посредствомъ соображеній и наведеній.

Мнѣ кажется, что они были славяне.

Всѣ прежнія основанія ихъ греческаго происхожденія не представляютъ никакой особенной прочности, и легко ослабляются противоположными разсужденіями: рожденіе въ Солунѣ, служба, связи точно также могутъ принадлежать славянину, какъ и греку. Почему стратигъ Левъ, отецъ св. Кирилла и Меѳодія, не могъ быть славяниномъ, если многіе изъ его современниковъ, на высшихъ мѣстахъ въ имперіи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, были славяне. Послушаемъ Шафарика: (**)

• Не упоминая уже о полководцахъ, Доброгостъ, Всегърдъ (554), Татимиръ (592) Патриціѣ Овогостъ (575) и др., назовемъ Никиту патріарха цареградскаго (766 — 780), Никиту пелопонисскаго, тестя Христофора сына Романова (ок. 900), Гаврилопула и Василича, любимцевъ императорскаго опекуна и намѣстника Александра (911), Борила и Германа, наперсниковъ императора Никифора Ботоніата (1078) и иныхъ. Извѣстно также, что императоръ Василій, прозванный македоняниномъ (867—886), былъ родомъ славянинъ, на

(*) День, 1862, № 29, с. 14.

(**) Т. II, кн. 1, ст. 325. Славянскія Древности.

что указываетъ и его выраженіе, какъ борца (*κατά ποδσεαν*, т. е. подрѣзъ, подрѣзывать, *succisio*), равно какъ и свидѣтельство арабскаго историка Гамзы. Самъ Юстиніанъ, можно полагать навѣрное, говорить Шафарикъ, происходилъ отъ славянскаго рода, поселявшагося еще въ концѣ пятаго вѣка въ Дарданіи. Онъ назывался на своей родинѣ Управда, что соответствуетъ латинскому его имени *Iustinianus*. Родина его Ведеріана, въ Верхней Македоніи, отецъ—Истокъ, мать—Бягленница. Это свидѣтельствуеетъ біографія его, составленная воспитателемъ его Теофиломъ. (*)

Селунъ — греческій городъ, но въ Кириллово время онъ былъ населенъ славянами въ равной, или еще въ большей степени, какъ и греками, а окружная сторона была тогда и до сихъ поръ есть чисто-славянская страна. Средоточіе тамошней торговли—въ Селунѣ. (**)

Что касается до населеній славянскихъ въ Мизіи, Дарданіи и Македоніи, то Шафарикъ, по основательнымъ причинамъ, относитъ ихъ къ концу еще V столѣтія. (***) По временамъ подчинялись они грекамъ, а по временамъ пріобрѣтали себѣ независимость. Македонія въ это время вся была заселена славянами, и потому называлась тогда Славніей. (****) Болгаре, покоривши славянъ во всѣхъ этихъ странахъ (678), сѣмшались съ ними, подчинились ихъ вліянію, и въ послѣдствіи ославились.

«Весьма такъ же вѣроятно, продолжаетъ Шафарикъ (*****), что во время зависимости мизійскихъ, дарданскихъ и македонскихъ славянъ отъ грековъ, сѣмъ христіанской вѣры прежде всего посѣяно было между ними греческимъ духовенствомъ, и, хотя вторженіе угорскихъ болгаръ приглушило его на нѣкоторое время, но совершенно истребить не могло.

(*) См. с. 256—259.

(**) Ib. с. 339.

(***) Ib. с. 258 и слѣд.

(****) Ib. с. 294.

(*****) с. 261.

Разсуждая а priori—мысль о переводѣ чего-либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки, напротивъ, привлекали все къ своему языку, свой языкъ считали образцомъ совершенства,—точно такъ и римляне думали о своемъ языкѣ. Всѣ прочіе народы въ глазахъ ихъ были варвары, и, чтобъ сдѣлаться людьми, они должны были овладѣть ихъ языками, греческимъ и римскимъ. Даже теперь греки и римляне поступаютъ подобнымъ образомъ: папа твердитъ по-латыни, константинопольскій патріархъ употребляетъ всѣ усилія противъ болгарскаго языка.

Много ли грековъ и римлянъ видимъ мы, въ продолженіи исторіи, между переводчиками на какой-нибудь чужой варварскій языкъ?

Въ IX столѣтіи греку, самому высокообразованному, мысль перевести Св. Писаніе, ввести богослуженіе на чужомъ языкѣ, было бы событіемъ безпримѣрнымъ,—еще болѣе: распространеніе чужаго языка сдѣлать задачею всей своей жизни, посвятить ему всѣ свои труды, съ такою пастойчивостью и такимъ самопожертвованіемъ!

Въ самой жизни св. Кирилла и Меѳодія мы не видимъ греческихъ признаковъ: грековъ тянуло всегда домой, а св. Кириллъ и Меѳодій представляютъ какъ бы родовую славянскую особенность, путешествуя непрерывно изъ Константинополя къ казарамъ, къ аравитянамъ, къ болгарамъ, къ моравлянамъ, въ Римъ. Они не вспоминаютъ ни при какомъ случаѣ о своемъ мнѣніи отечествѣ; не вступаютъ ни въ какія сношенія и не имѣютъ при себѣ никого изъ своихъ соотечественниковъ. Кириллъ кончаетъ жизнь свою въ Римѣ, Меѳодій въ Велеградѣ. Спутники ихъ и ученики пишутъ по-славянски, а не по-гречески, и подвергшіеся гоненіямъ ищутъ себѣ убѣжища не въ Греціи, а между славянами. (*)

(*) Одинъ изъ слушателей этой статьи въ рукописи г. П. замѣтилъ очень справедливо, что самое путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Римъ

Конечно, все это гаданія, кои я представляю предвари-тельно на усмотрѣніе читателей.

Послѣ разсужденій а priori, обратимся къ разсужденіямъ а posteriori, обозримъ внимательнѣе свидѣтельства: не найдеть ли мы тамъ какихъ полезныхъ указаній.

Въ житіи, современномъ Меѳодію, сказано: Бѣ же рода не худа отъ обуюду, но вельми добра и честна, знаема первее Богомъ и царемъ и всею селунскою страню... потому же и греци любяще и издетска, честныя бестды дѣяху.

Я спрашиваю: еслибъ авторъ житія считалъ св. Кирилла и Меѳодія греками, то къ какой бы стати онъ предложилъ замѣчаніе, что греки любили ихъ изъ-дѣтства. Еслибъ они были греки, то о любви къ нимъ грековъ нечего бы и говорить. (*)

Да и предыдущее выраженіе объ извѣстности братьевъ во всей селунской странѣ, по своей обстановкѣ указываетъ скорѣе на славянское происхожденіе, чѣмъ греческое.

Послѣ вышеприведенныхъ словъ о Меѳодіѣ въ житіи сказано: дондеже царь, увидѣвъ быстрость его, княженіе ему дастъ держати славенско... дабы проучилъ всѣмъ обычаямъ славенскимъ, я обyklъ я помалу.

Добровскій неправильно перевелъ эти слова, говоря, что Меѳодій поставленъ былъ воеводою на границахъ славянскихъ земель, гдѣ и нашель случай учиться по-славянски. Здѣсь говорится объ образѣ жизни славянской, а не объ языкѣ, извѣстномъ Меѳодію прежде.

Признаюсь, это мѣсто кажется мнѣ какою-то странною авторскою прибавкою: Меѳодій назначенъ правителемъ для того, чтобъ познакомился съ образомъ жизни славянскимъ? Этимъ выраженіемъ какъ будто предполагается что-то послѣ.

указываетъ въ нихъ болѣе славянъ, чѣмъ грековъ, которые, кажется, не могли такъ легко и свободно послушаться папскаго вызова.

(*) Я услышалъ недавно о новомъ вариантѣ: Трци вмѣсто Грци. Едва ли это не описка, судя по контексту. Впрочемъ подождемъ изданія профессора Бодянскаго.

Что же? Странно поставяеть правителю подобную цѣль: по-вѣтно предварительное подготовленіе, а управлять съ цѣлю учиться никакъ нельзя и предположить. Учиться же языку въ этомъ случаѣ вовсе немыслимо.

Въ сказаніи о св. Кириллѣ философѣ по синодальному прологу (№ 247) XIII или XIV в., и другимъ спискамъ, подъ 14 февраля между прочимъ говорится, что св. Кириллѣ, взятый къ императорскому двору для воспитанія, «четырьмя языки и философіи научися: еллински, римски, сирски, жидовски.»

Спрашивается — еслибъ еллинскій языкъ былъ природный св. Кириллу, то зачѣмъ было бы учиться ему, и почему не былъ бы упомянутъ здѣсь славянскій языкъ? Ясно ли, что славянскій языкъ былъ св. Кириллу природный, — потому онъ и не упомянутъ, — а по-еллински онъ долженъ былъ учиться.

Сюда же относится и выраженіе въ Кирилловомъ житіи о обученіи его въ Константинополѣ, «Омирѣ» и всѣмъ прочимъ *еллинскимъ* художествамъ (*).

Еллизмъ считается отъ автора какъ бы чѣмъ-то не своимъ, а чужимъ.

Изъ этихъ оборотовъ мнѣ ясно слышится, что писалъ житіе не грекъ, и не о грекахъ.

Кириллѣ удержанъ былъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: «умолиша и учительны столъ пріяти и учити философіи тоземцы и страные со всякою службою и помощію.»

Опять оборотъ, называющій грековъ туземцами (если такъ понимать туземцевъ), и сопоставляющій ихъ съ странными, отзывается въ пользу нашего мнѣнія.

А еще вѣроятнѣе, что здѣсь вовсе не говорится о грекахъ, а подъ «туземцами» разумѣются селуняне, жившіе въ Константинополѣ, и «странные», то есть приходящіе. Такое распоряженіе учить Кириллу не грековъ, а туземцевъ и стран-

(*) Въ этомъ смыслѣ и въ нашей Четив-Миней говорится: не токмо же въ еллинскомъ языкѣ бѣ премудрѣ, но и въ другихъ языкѣхъ. Римскаго бѣ писанія изучивъ добрѣ и сирской бесѣдѣ и прочимъ иностраннымъ навиче языкомъ. (Сл. Шлецеръ, 11 с. 569.)

ныхъ даетъ, кажется, понять объ ихъ не греческомъ происхожденіи. Еслибы Кириллъ назначенъ былъ просто учителемъ для грековъ, то для чего бы нужно прилагать дальнѣйшія объясненія, для кого именно, и что это за «странные.»

Наковецъ при описаніи носољства моравскаго князя Ростислава съ просьбою объ учителяхъ, царь говорить нашимъ братьямъ: «вы бо еста седунянина, да седуняне всѣ чисто словеньски бесѣдуютъ.»

Эти слова скорѣе заключаютъ доказательство, что св. Кириллъ и Меодій были славяне, чѣмъ греки. Царь какъ бы такъ говорить имъ: вы седунцы, а седунцы чисто говорятъ по славянски, и моравляне васъ поймутъ — идите къ нимъ учить ихъ.

Достаточно ли этихъ мѣстъ для мнѣнія, что Кириллъ и Меодій были славяне, а не греки, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ соображеніямъ? Касательно греческаго происхожденія подобныхъ мѣстъ въ источникахъ не находится.

Но можно, кажется, найти и еще сильнѣйшія доказательства въ пользу нашего мнѣнія, вотъ какія:

во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ иностранцами, даже въ эпоху цвѣтущаго состоянія того или другаго языка, знатокъ, съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ, подмѣтитъ чуждое происхожденіе, нѣкоторую противоестественность, мертвенность, и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ пишетъ переводчикъ, или чужимъ. У француза встрѣтятся непременно галлицизмы, у нѣнца германизмы. Пускай поработаютъ наши филологи надъ переводомъ Св. Писанія, и отыщутъ слѣды собственнаго или иностраннаго происхожденія. Нѣкоторые слова или обороты, новые и необходимыя, не идутъ сюда въ разсужденіе: они могутъ найтись у природныхъ переводчиковъ со всѣхъ языковъ; во всякомъ языкѣ всегда бываетъ много иностранныхъ словъ. Филологія не есть мой предметъ спеціальный, и я предоставляю это занимательное и благодарное дѣло ученымъ по ремеслу. Замѣчу только съ своей стороны, что переводъ Кирилла и Меодія являетъ важныя

признаки самостоятельности, даже и для диалетантовъ — въ двойственномъ напримѣръ числѣ, котораго нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, и въ дательномъ самостоятельномъ, который переводится греческій родительный.

Если филологи подтвердятъ замѣчаніе о живости славянскаго элемента, то вопросъ о славянскомъ происхожденіи св. Кирилла и Меодія рѣшится окончательно.

Присоединимъ наконецъ къ этимъ заключеніямъ и соображеніямъ, къ этимъ разсужденіямъ a priori и posteriori, слѣдующія положительныя свидѣтельства: въ житіи св. Кирилла, найденномъ г. Гильфердингомъ въ одномъ сборникѣ (XV—XVI стол.) въ Далмаціи, читается: сынъ преподобный отецъ нашъ Кириллъ рожденіемъ бысть отъ Селуна града, родомъ съ Болгаріи, отъ благовѣрныхъ родителей родися, имя же ему Левъ и матеря же его бѣ Марія и проч. (*)

Въ Климентовомъ похвальномъ словѣ св. Кириллу есть такое выраженіе: прѣйдоста оттуду на западныя страны, благовѣствующе слово Божіе въ языкъ новъ, и весь церковный законъ прѣложиша, отъ греческа въ свой имъ языкъ прѣдоста (**).

Excerptum de conversione Carantanorum XIII стол. говоритъ: *Supervenit quidam solavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit solavicas litteras, et solavice celebravit divinum officium.*

Г. Лавровскій (***) осуждаетъ слишкомъ строго это извѣстіе за выводъ Меодія изъ Истріи и Далмаціи: точности большой нельзя здѣсь требовать, въ подобныхъ перечняхъ часто встрѣчаются и перестановки, и опущенія, и сокращенія, и соединенія.

Арсеній Сухавовъ еще въ XVII стол. слышалъ на Афонѣ преданіе, что св. Кириллъ и Меодій родились отъ отца бол-

(*) См. Извѣстія 2 отдѣленія академіи наукъ, т. VI, выпускъ 5.

(**) О времени происхожденія слав. писемъ, с. 161. пр. Бодляскаго.

(***) Ст. 216.

гарина и матери гречанки. Это сказаніе, говоритъ г. Григоровичъ (*), помѣщено въ рукописныхъ преніяхъ Арсенія Суханова. Не понимаю только, почему г. Григоровичъ сообщаетъ это извѣстіе въ объясненіи къ тропарю: пришельца на землю тужду (моравскую), не своему племени, какъ будто и въ тропартѣ указывается славянское происхожденіе братьевъ!

Остается мнѣ объяснить нѣкоторыя возраженія: зальцбургскій летописецъ называетъ Меодія: *quidam graecus Methodius*. Это названіе можетъ означать только православнаго, восточнаго, греческаго проповѣдника, соответственно нынѣшнему употребленію. (Болгарскій царь Симеонъ назывался полугрекомъ по своему образованію) (**).

Еще мнѣ можетъ затруднить прозваніе ромейцевъ, иногда употребленное. Ромейцы—жители восточно-римской имперіи какого бы происхожденія ни были, — это имя можетъ столь же мало означать грека, какъ и римлянина, подобно нынѣшнему названію австрійца, которое можетъ принадлежать и славянину, и венгерцу, и пѣмцу, и волоху.

А вотъ еще доказательство и отъ противнаго. Еслибы Кирилль и Меодій были греки, то нельзя бы объяснить объ нихъ молчаніе греческихъ писателей, которые начинаютъ говорить о нихъ, я то немногіе, очень поздно, и очень поверхностно, неуважительно.

Итакъ, по нашему мнѣнію, Кирилль и Меодій были славяне, получившіе многостороннее греческое образованіе, и въ этомъ только смыслѣ могли называться иногда греками.

М. Погодинъ.

(*) Древне-славянскій памятникъ, Казань, 1862 г.

(**) Шафарикъ, ib. с. 306.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

Въ виду современныхъ обстоятельствъ, далеко не лишнимъ считаемъ предъложить вниманію читающаго общества вопросъ: какое отношеніе должно существовать между явленіями современной жизни и органами русской, духовной печати? Другими словами: должна ли у насъ духовная литература отзываться на нашу современную жизнь, на современные наши вопросы, позади которыхъ выработываются теперь тысячами рукъ будущія судьбы православія и нашего отечества? Думаемъ, что смыслъ отвѣта не можетъ подлежать сомнѣнію. Разумное и правдивое слово есть такое же духовное оружіе, какъ и молитва; обличать все нравственно-ложное и фальшивое—есть такая же обязанность служителей Церкви, какъ и утверждать истину.

Противъ вліянія русскаго духовенства на ходъ гражданскаго развитія у насъ въ отечествѣ существуютъ два предубѣжденія; оба они несправедливы, и оба родились не изъ русской почвы. Вопервыхъ, почему-то проникаются страхомъ, чтобы православное духовенство не стало у насъ въ такія же отношенія къ государству и народу, какъ католицизмъ вообще и въ частности іезуиты къ землямъ римско-